

Научная статья /
Research Article

<https://elibrary.ru/ENGT1>
УДК 398
ББК 82.3

ЛОКАЛЬНЫЙ ФОЛЬКЛОР В СИСТЕМЕ ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ АДЫГОВ (ЧЕРКЕСОВ)

© 2022 г. А.М. Гутов

*Институт гуманитарных исследований
Кабардино-Балкарского научного центра
Российской академии наук, Нальчик, Россия
Дата поступления статьи: 24 апреля 2021 г.
Дата одобрения рецензентами: 17 мая 2021 г.
Дата публикации: 25 июня 2022 г.*

<https://doi.org/10.22455/2500-4247-2022-7-2-264-279>

Аннотация: В статье рассматривается проблема функции и форм проявления локального фольклора в контексте традиционной культуры адыгов (черкесов). Актуальность работы обусловлена потребностью уточнить содержание термина «локальный фольклор» применительно к культуре этноса, рассеянного в различных географически обособленных местностях, включая зарубежную диаспору. Содержание рассматриваемого понятия неоднозначно, и парадигмы его проявления имеют прямую связь с цепью исторических событий, определивших судьбу всего общества. Характеризуются формы проявления локального фольклора на разных этапах истории и в условиях современности, пути его взаимодействия с общим культурным фондом и его перспективы в условиях всеобщей доступности в области коммуникационных технологий. Определяются позитивные и негативные следствия глобализации и отмечаются возможности достижения гармонии между общими тенденциями развития цивилизации и духовными ценностями, накопленными этносом во взаимодействии различных форм культуры.

Ключевые слова: локальный фольклор, этнос, анклав, диаспора, глобализация.

Информация об авторе: Адам Мухамедович Гутов — доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук, ул. Пушкина, д. 18, 360000 г. Нальчик, Россия.
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-3072-2234>

E-mail: adam.gut@mail.ru

Для цитирования: *Гутов А.М.* Локальный фольклор в системе традиционной культуры адыгов (черкесов) // *Studia Litterarum.* 2022. Т. 7, № 2. С. 264–279.
<https://doi.org/10.22455/2500-4247-2022-7-2-264-279>

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

Studia Litterarum,
vol. 7, no. 2, 2022

LOCAL FOLKLORE IN THE SYSTEM OF ADYGE (CIRCASSIAN) TRADITIONAL CULTURE

© 2022. Adam. M. Gutov

Institute of Humanitarian Studies of the Kabardino-Balkar Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Nalchik, Russia

Received: April 24, 2021

Approved after reviewing: May 17, 2021

Date of publication: June 25, 2022

Abstract: The article deals with the problem of function and forms of local folklore manifestation as the most important part of the Adyge (Circassian) culture. The relevance of the study consists in the fact that the author of the article clarifies the content of the term “local folklore” in relation to the culture of an ethnic group scattered in various geographically isolated areas, including the foreign diaspora. The content of the concept under consideration is ambiguous, and its paradigms are connected with a chain of historical events that determined the fate of an entire nation. The article describes the forms of local folklore at different stages of history, as well as in modern conditions, the ways of its interaction with the general cultural fund, and its prospects in the age of high communication technologies. The positive and negative consequences of globalization, identified during the study, point to the possibilities of achieving harmony between the general trends in the development of civilization and the spiritual values accumulated by the ethnic group in the light of the interaction of various forms of culture are noted.

Keywords: local folklore, Adygen, Circassians, anclave, diaspora, globalization.

Information about the author: Adam M. Gutov, DSc in Philology, Professor, Director of Research, Institute for Humanitarian Studies of the Kabardino-Balkar Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Pushkina 18, 360000 Nalchik, Russia.
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-3072-2234>

E-mail: adam.gut@mail.ru

For citation: Gutov, A.M. “Local Folklore in the System of Adyge (Circassian) Traditional Culture.” *Studia Litterarum*, vol. 7, no. 2, 2022, pp. 264–279. (In Russ.)
<https://doi.org/10.22455/2500-4247-2022-7-2-264-279>

Термины «локальный фольклор», «регионально-локальный фольклор» не получили своего четкого определения, несмотря на то, что они часто употребляются в трудах исследователей. Б.Н. Путилов, один из немногих, кто специально рассматривал эту проблему, использует сочетание «региональный / локальный фольклор», не акцентируя внимания на семантических различиях определений [7, с. 142–153]. Мы считаем целесообразным, оставляя за «региональным» более широкое значение, принять как рабочий термин сочетание «локальный фольклор». Им уместно обозначить устные произведения на мотивы и сюжеты, вероятное появление и бытование которых закреплено за определенной территорией или средой, либо совокупность всех устнопозитических произведений, имеющих хождение в данном этноязыковом поле. При этом внимание может концентрироваться на фольклоре и одного населенного пункта, и нескольких соседних поселений, объединяемых существенными признаками общности (языком, генетическим родством, общекультурной традицией, длительными контактами и пр.) в пределах обозначенного ареала. Это делает рассматриваемое понятие многозначным. Так, уместно говорить о локальной культуре населения в регионе, очерченном общей территорией, рельефом местности (например, фольклор жителей одного селения, равнины, ущелья, бассейна реки пр.), принадлежностью носителей традиции к одному языковому кругу (диалекту, говору) или же административно выделяемой территории. Относительно адыгского (черкесского) материала термин уместен и для обозначения ареала говора или диалекта, и для выделения фольклора ограниченного числа населенных пунктов вне зависимости от языковых особенностей. Это может быть территория, условно объединяемая сферой распространения вариантов отдельных фольклорных

произведений или принадлежностью информантов к одной исполнительской традиции. Как пример типичного явления можно назвать, например, фольклор сравнительно большой в масштабах Кавказа территории носителей кабардино-черкесской ветви адыгского языка, которую Л.Г. Лопатинский справедливо именовал «наречие адыгского или черкесского языка» [5, с. 1]. Судя по опубликованным и архивным материалам, есть основания выделить по тому же принципу, но уже внутри кабардино-черкесского языкового ареала, например, фольклор моздокских кабардинцев, устное словесное творчество кабардинского населения Моздокского района Северной Осетии и смежного с ним Курского района Ставропольского края. Это — пример типа локального явления относительно обособленной части носителей одного языка или его диалекта. Следует заметить, что моздокцы отделились от соплеменников и приняли присягу российской короне в XVIII в., причем большая часть их тогда же приняла православие. Такими же группами являются и кабардинцы Терского района КБР (так называемые малокабардинцы) или бесланевцы — субэтническое подразделение, образованное в результате миграции части кабардинцев в Прикубанье и ныне проживающее в нескольких поселениях Карачаево-Черкесии и Адыгеи. Основания для такого вывода — территориальная обособленность и языковые различия на уровне говора или диалекта.

С большой долей вероятности можно предположить, например, что основным источником фольклорной информации для первого кабардинского просветителя Ш.Б. Ногмова были носители малкинского говора, которые ныне проживают в бассейне реки Малка по правой ее стороне [18, с. 41–114]. Ранее, до начала XIX в., они населяли Пятигорье и степной ареал по левую сторону от Малки (Курейские степи). Об этом можно судить по языковым особенностям дошедших до нас записей, хотя Г.Ф. Турчанинов, один из самых вдумчивых исследователей текстов Ногмова, лишь осторожно предполагает: «Скорей всего, это язык самого Ногма (Ногмова. — А.Г.)» [8, с. 32], имея в виду язык той местности, в которой родился и вырос просветитель. Как можно полагать, доля сомнения исследователя мотивирована вероятностью того, что Ногмов мог вести записи не только в своей узкой среде, но также и сравнительно далеко от родного Пятигорья. Он служил в разных местах Кавказа и России и встречался с носителями различных адыгских диалектов и говоров, которые потенциально могли быть его информантами. Однако, вероятнее всего, при отсутствии единого литератур-

ного языка Ногмов пропускал собираемую информацию через восприятие на базе родного, с детства привычного говора.

В данном отношении можно также признать образцовыми тексты, собранные и опубликованные несколькими десятилетиями позднее П.И. Тамбиевым, одним из самых продуктивных собирателей адыгского фольклора. Будучи родом из прикубанских кабардино-черкесов, он, по всей видимости, там и произвел большинство записей, что также нашло свое отражение в языке [20].

Надо заметить, что к временам деятельности Ш.Б. Ногмова, а позднее — Тамбиева, Т.П. Кашежева и других представителей адыгской интеллигенции XIX – начала XX вв. еще не сформировались ни кабардинский, ни адыгейский литературные языки; их окончательное становление произошло в XX в. До этого можно говорить лишь о попытках создания единой письменной культуры и широкого внедрения ее в обиход. Поэтому для собирателя было естественно ориентироваться на свой родной говор или диалект как на более привычный для восприятия.

Один из выпусков серийного издания «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа» (СМОМПК) [19] был целиком посвящен Кабарде, в чем огромная заслуга принадлежит Лопатинскому. По сути, это можно считать фактом фиксации локального фольклора — Кабарды в контексте всей Исторической Черкесии. Выпуск подготовлен в соответствии с принятыми в российской академической науке принципами публикации полевых материалов. Основная часть текстов, представленных в названном издании, — это записи образцов различных жанров народного словесного творчества. Правда, первый раздел книги составили переводы на русский без текстов на языке источника. Подобное практиковалось в дореволюционной российской науке; чаще всего таким способом печатались произведения нарративных жанров, в которых для изучения искусства повествования сюжет и композиция имеют порою не меньшее значение, чем сугубо лингвистические особенности текста. Это героико-эпические сказания, сказки, легенды, предания, общим числом 20 текстов и объемом 134 книжные страницы (вместе с комментариями). Каждый текст в публикации характеризуется с точки зрения типологии мотивов и образов, а в переводе сохраняются многие особенности колорита оригинала при достижении относительной легкости восприятия для русскоязычного читателя. Вторая часть раздела составлена всего из шести текстов. Их важная

особенность в том, что они публикуются на кабардино-черкесском языке с подстрочным и литературным вариантами перевода и еще более обстоятельными комментариями. Это составляет более 80 страниц. Помещенные в данной части тексты поэтических сказаний о рождении эпического героя (нарта Сосруко), о бое его с богатырем Тотрешем, о добывании огня, о подвигах других богатырей представляют золотой фонд записей адыгского народного эпоса и других жанров фольклора.

Л.Г. Лопатинский, главный редактор серии и он же основной исполнитель выпуска, предпослал текстам статью «Заметка о народе адыге и о кабардинцах в частности» [5, с. 1–10]. Кроме того, он сопровождает публикуемые материалы комментариями, скромно называя их «Заметки», хотя на самом деле большинство из них — это полноправные аналитические этюды.

Второй отдел выпуска представляет написанная также Л.Г. Лопатинским «Грамматика кабардинского языка» со словарем и указателем, на которые тоже мог оказать влияние фактор локальности, если принять во внимание, что большинство материалов было представлено Т.П. Кашежевым, носителем малкинского говора. Таким образом, это не просто собрание разрозненных записей, а материал системного характера, представляющий в широком контексте основные этапы истории народа, эволюцию и современное состояние языка, культуры, в том числе словесного искусства. Для периода, когда кавказоведение еще находилось в стадии формирования, такое издание было бесценным явлением в отечественной гуманитарной науке, и до настоящего времени оно не утратило своего значения [2, с. 36–37].

Особый интерес для истории адыгской фольклористики и языкознания представляют фольклорные публикации, осуществленные кабардинскими «первопечатниками» Н.А. Цаговым и А.А.-Г. Дымовым [11]. Их стараниями в середине второго десятилетия XX в. было основано в селении Баксан (ныне — г. Баксан) первое издательство, выпускавшее небольшие книжки на кабардино-черкесском языке. Затем (1917–1918) они же наладили выпуск первой газеты на родном языке [11, с. 233–348]. В ней наряду с информацией о событиях в крае, стране и мире публиковались и фольклорные материалы, собранные ими или присланные их корреспондентами [11, с. 241–245, 256–267, 282–284, 300–310 и др.]. Газета выходила в Баксане, многие авторы тоже были носителями баксанского говора, и закономерно,

что именно он стал базовым при формировании и окончательном становлении современного кабардино-черкесского литературного языка.

Следующим и во многом более полным стал сборник «Кабардинский фольклор» [15]. По сути, это был свод образцов адыгского устнопоэтического искусства, записанного в Кабарде. Как один из основных источников фактических материалов был использован форум под названием «конференция народных певцов и сказителей», проведенный в 1934 г. [15, с. 5]. В подготовке книги принимали участие не только представители национальной интеллигенции, но и ведущие столичные ученые (академик Ю.М. Соколов, Г.И. Бройдо), а также известные мастера художественного перевода (В.К. Звягинцева, С.И. Липкин, М.С. Петровых и др.). В сборник вошли образцы фактически всех жанров адыгского фольклора — от мифологических нарративов и архаического эпоса до лирических и сатирических песен, возникших в годы советской власти. В каждом из пяти разделов сборника обозначены тематические или жанровые подразделы. Тексты, к сожалению, представлены только в русском переводе. По устным воспоминаниям А.Т. Шортанова, одного из участников этой уникальной работы, предполагалось впоследствии опубликовать отдельной книгой и тексты оригинала, однако в том же 1936 г. в стране начались репрессии, в числе жертв которых оказалось большинство тех, кто готовил книгу. В результате группа перестала существовать, а многие первичные записи были безвозвратно утеряны. Однако и в таком виде издание является образцом публикации материалов для изучения локального фольклора, аналогов ему по охвату жанрово-тематического адыго-черкесского материала до настоящего времени нет.

В позднейших научных изданиях принцип представления локального фольклора фактически не соблюдался, если не принимать во внимание того, что в ряде случаев в комментариях указывались населенные пункты, в которых были произведены записи. Таковы, например, помещаемые в томах серии «Народные песни и инструментальные наигрыши адыгов» алфавитные указатели с обозначением записанных произведений, исполнителей и мест записи [16, т. 1, с. 219; 16, т. 2, с. 228; 16, т. 3, ч. 1, с. 260; 16, т. 3, ч. 2, с. 483]. Тот же принцип соблюдается и в издании народных сказок [13].

Очевидно, что для исследователя это лишь общие ориентиры. Но, например, только в пределах кабардинского локального ареала можно обозначить такие центры, как кахунский (сказания нартского и историко-геро-

ического эпоса, героические песни, инструментальная музыка), лескенский (предания, сказки, песенный фольклор, инструментальная музыка), аушигерский (героические песни, сказки, предания, музыка), моздокский (мифология, эпос, обрядовая поэзия), малокабардинский (эпические сказания, предания, песни, сказки), заюковский или баксанский (эпос, легенды и предания, песни, музыка) и др. Этот перечень далеко не исчерпывающий, и его можно пополнить понятиями субэтнического плана: «шапсугский», «бжедугский», «темиргоевский» и т. п.

Чуть ли не единственным феноменом оставалось до недавнего времени издание фольклора одного селения, собранное и подготовленное к печати при нашей консультативной поддержке учительницей из с. Шалушка КБР Марьям Баговой [14]. Это своего рода синхронный срез, составленный из аутентичных записей, произведенных в 1997–1998 гг., хотя в ИГИ КБНЦ РАН хранится немало записей более раннего времени, выполненных в этом же селении. В книге помещено 140 текстов, представляющих почти все традиционные жанры адыгского фольклора. В совокупности они воссоздают реальную картину современного состояния народного словесного искусства в отдельном населенном пункте. Самостоятельным разделом представлен фольклор, непосредственно связанный с данным селением. Это почти десятая часть записей — 13 текстов, разных в жанровом и тематическом отношении. Здесь и родовое предание, и легенда, и мемораты, и фабулаты, и анекдотические истории. Главное — то, что описываемые события устойчиво локализованы, а в качестве персонажей фигурируют жители данного населенного пункта; большинство сюжетов оригинально. Издание обозначено издательством как научно-популярное по типу, однако каждый текст сопровождается краткими научными комментариями, а публикациям предпосланы наша небольшая вступительная статья [3, с. 5–7] и предисловие собирателя [14, с. 8–10].

Опубликованные материалы позволяют сделать ряд важных выводов. Прежде всего, это свидетельства состояния и реального функционирования различных жанров фольклора в современном обществе. Основными информантами являются все же представители старшего поколения: из 43 исполнителей самому младшему 46 лет, еще одному — 50, возраст остальных — от 55–56 до 98–99 лет. Фрагментарными являются сведения мифологического характера — наглядное свидетельство угасания интереса к данной области традиционной культуры. Нартские сказания (архаиче-

ский эпос) зафиксированы только в прозаическом исполнении и носят явные признаки неполноты сюжета и мозаичности отдельных частей (проза порою прослаивается поэтическими фрагментами), что может быть следствием нерегулярности исполнения.

Песни, традиционно исполняемые в голосовом сопровождении партии «ежью», а иногда и музыкальных инструментов, представлены в записях в одиночном исполнении. Это признак того, что найти певцов, способных обеспечить традиционное ансамблевое исполнение, стало проблематичным. Есть основания признать, что в данной публикации отразилось, как в зеркале, состояние народной культуры в современном кабардинском обществе: налицо признаки разрушения традиционных форм и условий бытования, сложившихся веками. Очевидно ущербное положение фольклорного сознания как типа мировосприятия и художественного отражения под влиянием технологической революции и глобализации. Многовековая культура, которая в значительной степени формирует этническую идентичность, пока что не в состоянии приспособиться к темпам социальных преобразований.

Применительно к адыгскому материалу полисемантичесность термина «локальный фольклор» подтверждается записями, произведенными за рубежом. Тексты, зафиксированные начиная с 20–30-х гг. XX в. в Турции, Сирии, Иордании, Израиле профессором Жоржем Дюмезилем [9; 10], некоторыми энтузиастами из числа представителей диаспоры, а несколько позднее — А.М. Гадагатлем (образцы записей представлены в семитомном издании нартского эпоса под редакцией Гадагатля [17]), Батираем Озбеком [23], Р.Б. Унароковой [Тыркуем], М.М. Паштовой [22] и другими исследователями (см., например, тематический сборник, изданный ИГИ КБНЦ РАН по материалам комплексной научной экспедиции в Сирию, Иорданию и Турцию [1, с. 51–69, 167–200, 201–240]), позволяют не только признать локальный характер очагов фольклора адыгов, но также обозначить особенности проявления локальности. Таковы, например, фольклорные материалы района Кунейтра (г. Эль-Кунейтра и 12 прилегающих адыго-черкесских селений), деревни Ханасир (поселение в 50 километрах от Алеппо), города Дамаска — в Сирии. В Турции, где проживает самая многочисленная черкесская диаспора, представлены и отдельные населенные пункты, и целые анклав (как, например, район Узун Яйла с центром в г. Пинарбаши и десятками селений, входящие в вилайет Кайсери).

Нашего далеко не полного обзора достаточно для вывода о том, что конкретное содержание понятия «локальный фольклор» обусловлено историческими судьбами массы носителей, о чем писал и Путилов, справедливо склонявшийся к тому, что региональный / локальный фольклор — одна из важных форм естественного функционирования народного словесного искусства [7, с. 142–153]. Так, до первых десятилетий XIX в. культурное пространство адыгского этнического массива было относительно открытым для взаимодействия локальных феноменов благодаря тому, что взаимодействие между обитателями различных местностей — от Таманского полуострова, включая часть Черноморского побережья, а по северному склону Кавказского хребта и равнине до Моздока и далее — было беспрепятственным; основным населением на этом протяженном пространстве были адыги. И, несмотря на то что Черкесия как таковая подразделялась на Кабарду, Бжедугию, Абадзехию, Шапсугию и другие относительно самостоятельные образования, это был ареал единой этнической культуры с ее локальными вариантами. Кроме того, эффективным связующим звеном между смежными субэтническими регионами выступали джегуако, народно-профессиональные сочинители и исполнители, социальный статус которых позволял им разъезжать беспрепятственно и даже без оружия по всей Черкесии (так как они считались особами неприкосновенными и никто не смел проявлять в их отношении насилие), принимать деятельное участие в массовых торжествах везде, где бы они ни появлялись, с исполнением песен, инструментальных наигрышей (иногда и с сочинением новых произведений), рассказыванием сказок, преданий, легенд. Они были ключевыми участниками массовых игр, некоторых обрядово-ритуальных действий общественного и семейного плана, включая иногда даже похороны или поминки по известным в крае личностям [6, с. 13–69]. Этим они вносили важную лепту в поддержание единой традиционной этнической культуры.

Бесспорно, что локальный фольклор в той или иной своей разновидности существовал всегда. Но до окончания Кавказской войны в сюжетике, жанровой специфике и стилевых особенностях важное значение имел общэтнический фонд жанров словесного искусства, включая детский фольклор. Последствия войны — гибель чуть ли не половины адыгского населения, массовые миграционные процессы, в том числе исход большей части выживших в войне людей в пределы Османской империи — не могли не оказать своего воздействия на состояние народной культуры в целом. Вместо преж-

него фактически сплошного массива носителей единой этнической культуры с ее локальными вариантами на обширном пространстве Северного и Северо-Западного Кавказа на исторической родине остались территориально и административно обособленные «острова», связь между которыми была не всегда регулярной. По данной причине сузился круг потенциального взаимодействия между обитателями этого архипелага. Со временем удельный вес локального компонента в фольклоре значительно возрос как следствие разобщения. Так, например, одинаково распространенными среди всех групп адыгов остаются народная афористика, сказания архаического по типу эпоса о богатырях-нартах, сказки, а также песни и сказания о событиях и персонажах более раннего этапа продуктивной жизни историко-героического эпоса (таковы циклы об Андемиркане, Бора Могучем, Нартуге, Хатхове сыне Магомете, Ночном нападении и многие другие [16]). Они зафиксированы в разных частях некогда единой Исторической Черкесии и представляют общеадыгский фольклорный фонд. То же отмечается и в тематическом блоке о героях сравнительно раннего этапа Кавказской войны [12], когда разобщение еще не успело разделить этнос на локальные очаги культуры.

Как редкое явление достоин внимания факт устойчивого бытования атрибутов язычества в двух полярных ареалах — у шапсугов, населяющих фактически самые западные местности в лесистых горах и на побережье Черного моря, и у моздокских кабардинцев — самых восточных адыгов. У других локальных субэтнических групп адыгов мифология и языческая атрибутика не сохранились с такой полнотой [16, т. 1]. Исповедуемое моздокскими кабардинцами православие оказалось более лояльным к мифологии, нежели ислам. Некоторые мифоэпические нарративы, представления и обрядовые действия и вовсе сохранились у них со времен, когда адыги исповедовали раннюю форму христианства, смешанного с языческими верованиями. Что касается шапсугов, то они теснее многих других сталкивались с турками-османами, которые колонизировали Причерноморье, и сохранение своей языческо-христианской системы мировосприятия было здесь для адыгов формой противостояния их культурной экспансии. Поэтому в шапсугской среде ислам долгое время не мог укорениться. Но с началом наступления реальной угрозы со стороны Севера, в XIX в. шапсуги приняли мусульманский полумесяц как символический противовес кресту, с которым в их жилища приходили разорение и гибель. Достоин внимания, что

и в других субэтнических группах адыгов ислам утвердился окончательно с началом Кавказской войны, хотя он начал проникать к ним значительно ранее [4, с. 40–61]. Каноны мусульманской религии гораздо менее терпимы к проявлениям язычества, и поэтому атрибуты древних верований лучше сохранились среди шапсугов и кабардинцев-христиан.

Справедливость требует отметить, что даже в XX в. отдельные фольклорные феномены — чаще всего это песни — прорывали пространственные и административные кордоны и распространялись по всем адыгским анклавам на Северном Кавказе. Но подобное надо считать исключением из общего правила, случаев же обособленного бытования стало несравнимо больше, чем до указанного периода.

Еще одно обстоятельство надо принять во внимание, это факт своего рода «внутренней миграции»: после установления колониального правления в Кабарде часть ее жителей бежала на Кубань, образовав тем самым в Западной Черкесии кабардинский субкультурный ареал. Он вступил во взаимодействие с местными вариантами общеадыгских фольклорных традиций, чем привнес своеобразие во все сферы локальной культуры как своей, так и исконно западноадыгской.

Значительное разнообразие представляет фольклор зарубежных черкесских анклавов. В целом фольклор диаспоры можно разделить на две большие части — произведения, возникшие на исторической родине и сохраненные в устном бытовании в местах нового поселения, и произведения, которые были сложены после исхода в пределы Османской империи. Если принять во внимание, что процесс исхода, или мухаджирства, начался в середине XIX в., т. е. более чем полтора столетия назад, то становится понятным, что произведения, возникшие вне исторической родины, могут составлять значительную долю общего репертуара. М.М. Паштова, составитель сборника текстов, записанных от узун-яйлинского информанта Али Шогена, выделяет две основные рубрики: «Сказания и сказки, принесенные с Родины» (всего 33 текста) [22, с. 34–99] и «Традиции и сказания Узун Яйлы» (24 текста) [22, с. 100–131]. Третью часть сборника составляют «Песни, иносказания, пословицы и поговорки» (12 названий) [22, с. 132–143], где собраны образцы произведений смешанного типа. Разумеется, по объему тексты могут сильно различаться, но даже при этом их количественное соотношение служит свидетельством непрерывности продуктивного функционирования фольклора. То же отме-

чается и в других источниках (см., например: [1; 21]). К сожалению, фольклор диаспоры еще мало изучен, материалы фрагментарны и неполны, поэтому делать на их основе принципиальные выводы рано. Все же мы считаем возможным изложить некоторые предварительные суждения.

Понятно, что переселенцы-мухаджиры были вынуждены обустроиваться соответственно обстоятельствам, хотя в большинстве случаев еще со своей исторической родины они отправлялись в исход компактными группами и на новом месте старались обосноваться вместе. Поэтому, например, в Турции до настоящего времени значительная часть выходцев из Малой Кабарды образует около двух десятков селений, в обиходе именуемых «Джилахстаней» — Малая Кабарда. Это один из моноэтнических адыго-черкесских анклавов в названной стране. В округе Узун Яйла, где в непосредственной близости друг от друга расположились около семидесяти кабардинских (восточноадыгских), абадзехских и хатукаевских (западноадыгских), абазинских (абазины — отдельная языковая ветвь, но ввиду своей малочисленности в данном регионе они стали двуязычными, освоив адыгский язык) селений, каждое из них имеет два названия — официальное турецкое и обиходное адыгское. Примечательно, что последнее часто дублирует название селения на исторической родине. Подобного рода явления указывают с большой долей вероятности на местность, откуда была родом основная часть первопоселенцев, и репертуар информантов из таких селений коррелирует с фольклором соответствующего региона на Кавказе.

Свое воздействие на тематический состав фольклора оказывают контакты между представителями разных субэтнических групп, которые волей судьбы оказались на чужбине соседями, хотя на Кавказе обитали в значительном отдалении друг от друга (в данном случае это чаще всего носители кабардинского языка и хатукаевского диалекта адыгейского). Здесь же они довольно тесно общаются, нередко завязывают дружеские и родственные отношения. Это открывает каналы для обмена духовными ценностями, в том числе — локальными феноменами фольклора. В других областях Турции, где всего, по неофициальным данным, проживает не менее трех миллионов черкесов, картина аналогичная: представители разных субэтнических групп живут чаще всего достаточно компактно, тесно общаются, и это отражается на языковой ситуации и на фольклоре как конкретном проявлении языка в его эстетической функции.

Похожее явление характерно и для иорданских черкесов. В свое время здесь в относительно небольшом отдалении друг от друга поселились кабардинские, шапсугские, бжедугские мухаджеры. Обстоятельства способствовали их консолидации, хотя не стерли, а лишь «скорректировали» языковые особенности — до той степени, которая могла бы благоприятствовать свободному общению. Со временем почти все прежние черкесские поселения вошли в пределы Большого Аммана, столицы государства, и это способствовало созданию в городе двух важных объектов: центральной Хасы (Совета) и частной черкесской школы с обучением в начальных классах на родном языке. В качестве базового языка был избран кабардинский, это придало ему доминирующее положение, но не настолько, чтобы унифицировать диалекты, что отражено в языке фольклора [1, с. 181–182, 188–189, 191–194 и др.].

В ряде случаев монолингвальная группа образует обособленное поселение, например, в ряде местностей в Турции, а также в Сирии (село Ханасир в пустыне близ Алеппо) [1, с. 197, 199]. Подобное отмечено и в Израиле (где компактно-дисперсно проживают две черкесские деревни, Кфар-Кама и Рейхание) и бывшей Югославии (всего менее двух тысяч черкесов, живших в крае Косово; впоследствии, с распадом Югославии, они были репатриированы в Республику Адыгея при посредстве МИД РФ. Этнограф и фольклорист Озбек Батырай до этого успел побывать в Косово и зафиксировал быт и фольклор живших там черкесов [23]).

В условиях массовой доступности современных коммуникационных технологий культура локального характера с легкостью преодолевает прежние границы. Песни, инструментальная музыка, фольклорные профессиональные музыкальные и литературные произведения имеют возможность моментально становиться достоянием всех носителей данной этноязыковой культуры, фактически вне зависимости от расстояний и места пребывания. Это корректирует содержание понятия «локальный фольклор», хотя всякое явление имеет свое место возникновения и вхождения в обиход ближайшей среды. И только после этого оно может расширить сферу функционирования или же без следа забыться. В действительности многие произведения адыгского народного и профессионального искусства, возникшие когда-то в определенной местности или имевшие локальное бытование, стали в настоящее время фактически общим достоянием адыгов вне прямой зависимости от места проживания. Это, конечно, обогащает общий культурный потенциал, но не снимает проблему

локального фольклора как первоначала и отдельных произведений, и стилевых течений в современной адыгской культуре в целом.

Список литературы

Исследования

- 1 Адыгская и карачаево-балкарская зарубежная диаспора: история и культура. Нальчик: Эль-фа, 2000. 272 с.
- 2 Алиева А.И. Возникновение адыгской фольклористики в XIX веке // Фольклор адыгов в записях и публикациях XIX – начала XX вв. Нальчик: Эльбрус, 1979. С. 13–39.
- 3 Кажаров В.Х. Песни, ислам и традиционная культура адыгов в контексте Кавказской войны // Адыгские песни времен Кавказской войны. Нальчик: ООО «Печатный двор», 2014. С. 30–89.
- 4 Лопатинский Л.Г. Краткая кабардинская грамматика // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1891. Вып. XII. Отдел II. С. 1–299.
- 5 Налоев З.М. Институт джегуако. Нальчик: Тетраграф, 2011. 408 с.
- 6 Путилов Б.Н. Фольклор и народная культура. СПб.: Наука, 1994. 238 с.
- 7 Турчанинов Г.Ф. О кабардинской грамматике Ш.Б. Ногма // Ногма Ш.Б. Филологические труды. Нальчик: Кабардино-Балкарское книжное изд-во, 1958. Т. 2. С. 7–51.
- 8 Гьут Гэдэм. Цыхубэм и гупсэ. // Багъ М. Шхьэлыкьуэдэсхэм я Иуэрыуатэ. Нальчик: Эльбрус, 2000. Н. 5–7. (На кабард.-черк. яз.)
- 9 Dumezil G. Fable de Tsey Ibrayim. Paris: P. Geuthner Publ., 1938. 91 с.
- 10 Dumezil G. Documents anatoliens sur les langues et les Traditions du Caucase. Paris, Université de Paris Publ., 1960–1967.

Источники

- 11 Адаб Баксанского культурного движения / сост., вступ. ст. З.М. Налоева, науч. ред. А.М. Готов. Нальчик: Эльбрус, 1991. 440 с.
- 12 Адыгские песни времен Кавказской войны / под ред. А.М. Готова и др. Нальчик: Печатный двор, 2014. 656 с.
- 13 Адыгэ таурыхъхэр. Нальчик: КБИГИ, Эль-фа, 2005. Т. I. 836 с. (На кабард.-черк. яз.)
- 14 Багъ Мэрьям. Шхьэлыкьуэдэсхэм я Иуэрыуатэ. Налшык: Эльбрус, 2000. 184 с. (На кабард.-черк. яз.)
- 15 Кабардинский фольклор / вступ. ст., коммент. и словарь М.Е. Талпа, ред. Ю.М. Соколова, общ. ред. Г.И. Бройдо. М.; Л.: Academia, 1936. 645 с.
- 16 Народные песни и инструментальные наигрыши адыгов. М.: Сов. композитор, 1980–1990.
- 17 Наргхэр. Адыгэ эпос. Томиблыу угыоигъэу. Майкоп, 1969–1971. Т. I–VII. (На адыгских яз.)

- 18 *Ногмов Ш.Б.* Исторические и филологические труды: в 4 т. Нальчик: ИГИ КБНЦ РАН, 2020.
- 19 Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1891. Вып. XII. 618 с.
- 20 *Тамбиев П.И.* К 110-летию со дня рождения / сост. Р.Х. Хашхожевой, подгот. текстов и коммент. А.М. Гутова. Нальчик: Эльбрус, 1984. 196 с.
- 21 Тыркуем ис адыгэхэм яЮрыуатэр. Майкоп: ГУРИПП, 2004. 580 с. (На адыгейск. яз.)
- 22 *Anadoluda Cerkes Kulturu. Halkbilim Alan Arastirmasi Materialleri / Derleyen, Onseve Yorumlar M.M. Pastova. Kaiseri: Kavdav Yayincilik, 2017. 144 p.*
- 23 *Batyray O.* Erzalungen der letzten Tshcerkessen auf dem Amselfeld. Bonn, 1986. 122 p.

References

- 1 *Adygskaiia i karachaevo-balkarskaia zarubezhnaia diaspora: istoriia i kul'tura [Adyghe and Karachay-Balkar Foreign Diaspora: History and Culture].* Nal'chik, El'-fa Publ., 2000. 272 p. (In Russ.)
- 2 Alieva, A.I. "Vozniknovenie adygskoi fol'kloristiki v XIX veke" ["The Emergence of Adyghe Folklore Studies in the 19th Century"]. *Fol'klor adygov v zapisiakh i publikatsiiaikh XIX – nachala XX vv. [Adyghe Folklore in Records and Publications of the 19th – Early 20th Centuries].* Nalchik, Elbrus Publ., 1979, pp. 13–39. (In Russ.)
- 3 Kazharov, V.Kh. "Pesni, islam i traditsionnaia kul'tura adygov v kontekste Kavkazskoi voiny" ["Songs, Islam and Traditional Culture of the Adygs in the Context of the Caucasian War"]. *Adygskie pesni vremen Kavkazskoi voiny [Songs of the Caucasian War].* Nal'chik, Pechatnyi dvor Publ., 2014, pp. 30–89. (In Russ.)
- 4 Lopatinskii, L.G. "Kratkaia kabardinskaia grammatika" ["Brief Kabardian Grammar"]. *Sbornik materialov dlia opisaniia mestnostei i plemen Kavkaza [Collection of Materials for the Description of Localities and Tribes of the Caucasus],* issue XII. Tiflis, 1891, department II, pp. 1–299. (In Russ.)
- 5 Naloev, Z.M. *Institut dzheguako [Institute of Dzheguako].* Nal'chik, Tetragraf Publ., 2011. 408 p. (In Russ.)
- 6 Putilov, B.N. *Fol'klor i narodnaia kul'tura [Folklore and Folk Culture].* St. Petersburg, Nauka Publ., 1994. 238 p. (In Russ.)
- 7 Turchaninov, G.F. "O kabardinskoi grammatike Sh.B. Nogma" ["On the Kabardian Grammar of Sh.B. Nogma"]. *Nogma, Sh.B. Filologicheskie Trudy [Philological Studies],* vol. 2. Nalchik, Kabardino-Balkarskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1958, pp. 7–51. (In Russ.)
- 8 G"ut, Iedem. "TsIykhubem i gupse" ["The Soul of the People"]. *Bag", M. Shkh'elyk"uedeskhem ia Iueryuate [People of Shalushka and their Folklore].* Nal'chik, El'brus Publ., 2000, pp. 5–7. (In Kabardino-Circassian)
- 9 Dumezil, Georges. *Fable de Tsey Ibrayim.* Paris, P. Geuthner Publ., 1938. 91 p. (In French)
- 10 Dumezil, Georges. *Documents anatoliens sur le langues et les Traditions du Caucase.* Paris, Université de Paris Publ., 1960–1967. (In French)